

С

профессором Симоновым мы встретились в парижской гостинице «Камелия», куда он приехал из столичного пригорода, откликнувшись на телефонный звонок. Фамилию его я пишу по-русски, хотя это юридически неверно. У Симонова с самого дня рождения французское подданство, в паспорте гражданина Французской Республики он записан как Gabriel Simonoff.

Познакомил нас известный в Воронеже туроператор Евгений Бердников — в конце 1999 года он обеспечивал автобусную поездку во Францию группы членов Воронежской областной торгово-промышленной палаты. В этой директорской компании нашлось место и мне. После выполнения деловой части программы, предусматривавшей знакомство с работой аналогичной палаты в Париже, оставалось время сходить в Лувр, прогуляться по Монмартру, посмотреть на город с высоты Эйфелевой башни.

Жена Бердникова, литературовед (впоследствии в течение семи лет она была деканом филологического факультета Воронежского госуниверситета. — *Прим. авт.*). Ольга Анатольевна серьезно занималась изучением жизни и творчества писателя Ивана Бунина. На маршрутах своих научных поисков она и пересеклась с Симоновым, который явился настоящим бунинским подвижником. Ольга заранее созвонилась с профессором и договорилась о встрече с Евгением. Ну, а Евгений, когда профессор приехал в «Камелию», познакомил с ним меня, справедливо полагая, что мне будет интересен человек, много делающий для увековечения памяти Ивана Алексеевича Бунина во Франции.

— *Монсьеур профессор*, — стараясь быть как можно более учтивым, обратился я к собеседнику, но он решительно меня остановил.

— Давайте без любезностей. Здесь, во Франции, даже к старшему по возрасту принято обращаться по имени. Ведь у французов отчеств нет. Если хотите, называйте меня просто Габриэль. Но мы — русские люди, и почту за честь, если будете называть Гавриилом Николаевичем.

Гавриил Николаевич блестяще говорит по-русски. Это не удивительно — он действительно русский по происхождению, сын эмигрантов первой волны, вздыбленной в «окаянные дни».

— Мой род — Симоновых — один из древних дворянских родов на Руси. Предки с 1560 года жили на юге Тульской губернии, в Крапивенском и Богородицком уездах. Дед, Гавриил Николаевич, — профессиональный военный, полковник русской армии. Отец, Николай Гаврилович, в возрасте восемнадцати лет ушел на фронт Первой мировой войны, а после революции капитан Симонов примкнул к Добровольческой армии. Затем, спасаясь от безбожного и безжалостного воинства Бронштейна-Троцкого, из Крыма на корабле отправился в Константинополь, оттуда через Прагу в Париж... Я родился уже во Франции, в 1930 году. Моя мать тоже русская, отец познакомился с ней еще в России.

Профессор Симонов немного выше среднего роста, строен не по годам, остронос, седоват и усы с проседью. Мне показалось, что он внешне напоминает одного большого советского поэта, причем однофамильца.

Я не преминул провести эту параллель.

— Если вы имеете в виду Константина Симонова, то на ваш вопрос отвечу утвердительно: Кирилл Михайлович мне приходится троюродным братом. Наши деды — родные братья.

— *И вам доводилось с ним общаться?*

— К сожалению, мы с ним не знали, хотя он бывал во Франции, в том числе и по бунинским делам. Думается, Кирилла весьма тяготило дворянское происхождение, если учитывать реалии известного периода советской действительности. Тем более, он по материнской линии из князей Оболенских, а двух его теток, читал, за социальное происхождение в тридцатые годы арестовывали. Но это уже другая история.

— *Расскажите, Гавриил Николаевич, как в вашей жизни появился Бунин?*

— В 1946 году я заканчивал гимназию, где кроме языка страны проживания — французского — учил английский и итальянский. Мои родители делали все возможное, чтобы и языком предков я владел в совершенстве. Поэтому одновременно учился и в так называемой четверговой школе при русской церкви. На выпускном экзамене в этой школе мне достался перевод рассказа Ивана Алексеевича «Смарагд». Долго потел, подыскивая французские аналоги слов, да куда там — у Бунина ведь такой слог, такой богатый язык. А стилистика! «Ночная синяя чер-

нота неба в тихо плывущих облаках, везде белых, а возле высокой луны голубых. Приглядишься — не облака плывут — луна плывет, и близ нее, вместе с ней, льется золотая слеза звезды: луна плавно уходит в высоту, которой нет дна, и уносит с собой все выше и выше звезду...» И, стыдно признаваться, я осрамился. Не сумел несколько слов точно перевести. Спросили, что такое смарагд. Оказывается, драгоценный изумруд зеленого цвета, чего я не знал... Экзаменаторы мне этого не простили и выставили оценку ниже той, на которую рассчитывали я, мои родители и сами педагоги. Но имя писателя запомнил.

— *В семье на каком языке говорили?*

— Вперемежку. Но русский был допрежь всего. А французский я лет до пяти не знал вообще. Матушка говорила: мы русские. Русские, временно проживающие во Франции. Как бы сидели на чемоданах. Лишь с годами приходило понимание, что ничего нет более постоянного, чем временное. Надежды на реэмиграцию угасали. Теперь я понимаю, как тяжело было на душе у родителей! Отец устроился ночным таксистом. Мне же оставалось читать русские книги — у нас дома с этим недостатка не было. Русский язык крепко привязывал меня к корням родословной. Потом я — человек православный.

— *Крещеный?*

— Естественно. Меня воспитывали в православной вере, так что я по бумагам француз, а по культуре, конечно, русский. Но нельзя отнять то, что все-таки всю карьеру свою научную — я был директором института и так далее — сделал во Франции. Так что для меня, понимаете, это неразделимо — Франция и Россия. Я когда в России, себя чувствую русским. Когда во Франции — чувствую себя французом.

Важен такой момент: мои родители были большими почитателями творчества Ивана Алексеевича Бунина, но раз присутствовали на его публичных выступлениях.

— *А вы с ним встречались?*

— О, да! В 1946 году на одном из литературных вечеров отец представил меня, шестнадцатилетнего, дорогому мэтру. Встреча была непродолжительной, можно сказать, мимолетной. Бунин похвалил меня за отличное окончание учебы.

— *Как Иван Алексеевич выглядел? Что вам запомнилось?*

— Предо мной предстал уже старый человек. Седой как лунь. Худощавый, даже суховатый. Но казался довольно-таки крепким, держался прямо. Одет был представительно. Голову нес гордо, с достоинством Нобелевского лауреата. В движениях, манере говорить и даже молчать просматривалась определенная сдержанность. Более всего запали в душу его слова: «Чтобы помнить, знать и любить Россию, нужно читать как можно больше классиков русской литературы». Бунинские книги полюбились особенно. В них находил отраду и утешение в грустный час. Интересовался жизнью Бунина в России и здесь, во Франции, старался глубже понять мотивы, побудившие его покинуть так горячо любимую Россию и обосноваться на чужбине. Начитавшись Бунина, сам пробовал перо — кропал неуклюжие стихи, брался за рассказ. Но выбрал другую стезю — физику.

— *И все-таки вашему перу принадлежат уже несколько книг художественного характера...*

— Это так. Однако смыслом моей жизни стала ядерная физика.

Профессору Симонову на момент нашего разговора шел семидесятый год, но он продолжал заниматься исследовательской работой. Еще в пору студенчества — учился в знаменитом парижском университете Сорбонна, на физико-математическом факультете — увлекся изучением структуры и свойств мельчайших элементов материи, атомных ядер. Засиживался в лабораториях, ставил опыты, опи-

сывал и публиковал результаты своих исследований. Впоследствии успешно работал во французских лабораториях нобелевских лауреатов Ирен и Фредерика Жолио-Кюри и Гленна Сиборга в Калифорнийском университете. Затем защитил первую во Франции докторскую диссертацию в области высоких энергий. Кроме того, именно Гавриил Симонов основал Центр ядерных исследований под Бордо, стал известным ученым. В годы смягчения международной обстановки, ставшего результатом демократических преобразований в России, работы по своему направлению у физика-ядерщика Симонова стало меньше. На одном из высвободившихся опытных реакторов профессор начал исследовать любопытный химический элемент под номером 34 в таблице Менделеева — селен.

Гавриил Николаевич считает селен очень важным веществом для организма людей. Его дефицит сказывается на общем состоянии здоровья. С помощью точнейших приборов в его лаборатории подвергли анализу человеческую кровь и пришли к выводу, что отсутствие в организме селена приводит к старению, поскольку именно это вещество способствует выведению из организма шлаков, образующихся в результате дыхания. Он выпустил книгу «Селен и жизнь», ставшую во Франции бестселлером. А вскоре за совокупность заслуг перед Французской Республикой, научные труды в области ядерной физики и геронтологии профессора Симонова удостоили ордена Почетного легиона.

Надо подчеркнуть, что помощницей во всех делах и начинаниях Гавриила Николаевича всегда сопровождала его горячо любимая супруга Моник, тоже ученый человек. Они часто выступают как соавторы публикаций в научных журналах. В 1992 году чета Симоновых была удостоена престижной премии Медицинской академии Франции за исследование по теме «Селен и жизнь». Добавлю, их дочь (на момент нашей встречи ей исполнилось двадцать три) идет по родительским стопам, подает хорошие надежды, и как не без гордости подчеркнул отец, «мадемуазель Александра пользуется успехом у мужчин».

— Как-то мы с Моник решили часть отпуска провести на юге Франции. Полетели в небольшой город Грасс. Это в девятистах километрах от Парижа. Французам он известен парфюмерной индустрией и как одно из мест, где происходит действие романа «Парфюмер» Патрика Зюскинда. Мы же прибыли туда с Моник вовсе не для того, чтобы прикупить свеженьких духов бренда «Фрагонар», а посмотреть, есть ли какие следы от проживания там дорогого нашему сердцу Ивана Алексеевича. Здесь Бунин снимал сначала одну виллу, потом — на долгий срок — другую, Бельведер, и пребывал с марта по ноябрь, а зимовать уезжал в Париж. Зашли в местное туристическое бюро справиться насчет адреса бунинского Бельведера. Сотрудница бюро пожалала плечами.

— *Что вас, я уверен, сильно огорчило...*

— Не то слово! Меня это просто, извините, взбесило. Вышли на улицу, стали спрашивать у прохожих. Никто, никто не знает, что в их маленьком городе с населением тысяч под пятьдесят, не более, жил великий писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе! И лишь одна мадам преклонных лет с превеликим

Гавриил Николаевич Симонов

трудом вспомнила, где эта улица, где этот дом... И вот тогда я решил во что бы то ни стало воскресить светлое имя Бунина для Франции — создать общество любителей творчества этого замечательного прозаика и поэта.

— *И какими были ваши дальнейшие действия?*

— Вернувшись домой, — продолжил свой рассказ Гавриил Николаевич, — я написал очень сердитое письмо мэру города Грасс. Хлестко высказался по поводу его личного невнимания к имени Бунина. А ведь Бунин сделал великую честь городу парфюмеров тем, что, будучи его жителем, получил известие о присуждении Нобеля. Может, я и погорячился в выражениях, но монсеньор Фонмишель, это фамилия мэра, на меня не только не обиделся, но и прислал очень трогательный ответ, в котором разделял мою позицию. И даже приглашал к участию в конкретной работе по реализации моих предложений. Позднее мы встретились с ним, подружились. Первым делом открыли две мемориальные доски на зданиях, где жил Бунин. Сделали все это в присутствии множества народа и при участии ряда видных деятелей русской эмиграции. По всему было видно, что у местных жителей прибавилось гордости за свой город.

— *Я вот хочу полюбопытствовать: а почему, собственно, Грасс? Почему не Париж с его многочисленной русской колонией избрал Иван Алексеевич для постоянного проживания?*

— Париж — мегаполис. Он очарователен со всех сторон, но шумный, суетный, меркантильный, любящий деньги. Грасс в полсотне верст от Средиземного моря, считай, Лазурный берег. Рядом Ницца. Здесь тепло и ближе к природе. Не обращали внимание? Бунину не писалось в городе — ни в России, ни во Франции. «Люблю я жизнь... Все проявления ее — я связан с ней, с природой, с землей, со всем, что в ней, под ней, на ней», — признавался наш с вами выдающийся соотечественник. Кстати, во Франции у него ничего — ни жилья, ни мебели, даже велосипеда — не было. Только тоска. Вслушайтесь в эти строки:

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой наемный дом
С своей уж ветхою котомкой.

— *Скажите, уважаемый профессор, учрежденное вами «Общество друзей Ивана Бунина» — единственное во Франции, которое занимается бунинским наследием?*

— Да, единственное. Замечу, тут своих национальных литераторов превеликое множество (французы по природе мастера изящной словесности). До Бунина ли им? Впрочем, были общества друзей таких русских писателей, как Лев Толстой, Федор Достоевский, Иван Тургенев. С Буниным случай особый. Несмотря на то, что Иван Алексеевич прожил во Франции тридцать три года, не выезжая никуда (разве что в Стокгольм за премией), и написал здесь, я считаю, лучшие свои произведения — повесть «Митина любовь», роман «Жизнь Арсеньева», цикл рассказов «Темные аллеи», — французы с его книгами мало знакомы. В последние десятилетия новых переводов Бунина почти не делалось, а старые не отвечали высокому уровню его письма. Задачу нашего общества видим в том, чтобы всячески содействовать созданию новых, высокохудожественных переводов произведений писателя на французский, как, впрочем, и на другие языки. И изданию этих переводов. Моя помощница, ответственный секретарь «Общества друзей Ивана Бунина» Клэр Ошар, блестящий знаток русского, перевела роман «Жизнь Арсеньева». Книга только что вышла из печати. В предисловии к этому изданию французский исследователь господин Катто называет новый перевод восхитительным. По его словам, Клэр удалось максимально сохранить «двойное напряжение

манеры письма Бунина: прозрачность и сложность, лаконичность и лиризм, силу и пышность, сияние солнца и бархат тени». Кстати, Клэр и по образованию, и по роду занятий — литературовед, по бунинской теме защищала докторскую диссертацию, свои труды печатает и в российских научных изданиях. Она, замечу, представляла наше Общество у вас в Воронеже на торжественном открытии памятника Бунину в 1995 году.

— *Книги Бунина во Франции вне политики?*

— Как вам сказать? В принципе — да. Но бывают факты локального и временного вкуса. После Второй мировой войны здешняя интеллигенция несколько полевела в политическом смысле этого слова. А Иван Алексеевич — сторонник монархии. В семидесятые годы на выборах мэра Грасса победу одержал кандидат коммунист. И что же вы думаете — в городских библиотеках исчезли книги определенного содержания. В том числе и бунинские. Это факт.

— *Простите, а сами вы сторонник какой формы государственного правления?*

— Будь жив монархист Иван Алексеевич, мы бы с ним спорили. Мне кажется, для европейского человека наиболее приемлема французская республиканская модель, где парламент и президент имеют примерно одинаковые полномочия и функции взаимоконтроля.

— *Что еще удалось сделать силами «Общества друзей Ивана Бунина»?*

— В Париже, на доме № 1 по улице Оффенбаха, где в зимнее время квартировал писатель, появилась мемориальная доска. Благодаря помощи мэра нам удалось в 1994 году провести в Грассе первую в истории Франции конференцию, посвященную Бунину. В 1995-м, когда отмечался 125-летний юбилей Ивана Алексеевича, наше Общество совместно с университетом Сорбонна и мэрией Грасса провело уже международный colloquium, на сей раз в Париже и в том же Грассе. Было заслушано около двадцати интересных и содержательных докладов исследователей творчества и жизни писателя, присутствовало около восьмидесяти гостей. Приехали в Париж и представители российской школы буниноведения из Москвы, Воронежа и Ельца. От вас была университетская преподавательница Ольга Бердникова. Уже тогда членами Общества было принято решение совершить поездку, что называется, по стопам великого мастера слова — по тем российским местам, с которыми связана его жизнь. Эту поездку мы осуществили в 1997 году. Были и в Воронеже. Надо сказать, что пребывание в России нас сильно впечатлило. В частности, мы с особым сердечным трепетом посетили дом, где Бунин родился. Нам даже рассказывали, будто бы в одно время местные власти хотели взамен бунинской усадьбы построить большой жилой дом. И как пресса, ваши писатели воспротивились этому, встали, образно говоря, стеной на защиту родового гнезда Ивана Алексеевича. Это правда?

Я пожалел, что не знал о том визите Гавриила Николаевича в Воронеж, на что он ответил с пониманием («Я ведь тоже не знал, к примеру, что мой кузен поэт Симонов бывал в Париже») и подтвердил, что воронежские городские власти действительно имели намерение снести домик Бунина. Рассказал, как за опубликованную в газете «Молодой коммунар» статью журналиста Леонида Коробкова в защиту этого здания меня, занимавшего тогда в редакции ответственный пост, вызывали в руководящий областной партийный орган с «воспитательными» целями. Но, как бы то ни было, дом № 3а по проспекту Революции мы общими силами спасли.

— *Воронежцы гордятся, что Бунин родился и прожил у нас первые три года жизни, — заметил я своему собеседнику. — Жаль, конечно, что, ставши уже известным, он всего лишь один раз приезжал в наш город, и то на одну един-*

ставенную ночь. Кстати, что вы, Гавриил Николаевич, слышали о намерении Бунина вернуться на отчужденную землю, в Советский Союз? Известна, к примеру, его открытка от 8 мая 1941 года, отправленная из Грасса в Москву старому другу с недвусмысленной припиской: «Я сед, сух, но еще ядовит. Очень хочу домой...»

— Насколько я знаю из публикаций французской и русской эмигрантской прессы, Сталин был заинтересован, чтобы лауреат Нобелевской премии Иван Алексеевич Бунин вернулся на родину. Сталину наверняка нужно было это для пропагандистских целей. Читал, кажется, в «Фигаро», что сразу после войны посол СССР во Франции по фамилии Богомолов предпринимал попытки установить контакт с писателем. Вряд ли господин посол делал это по своей инициативе, по всей видимости это делалось по наущению «отца народов».

— Ну да, — согласился я. — Без команды Сталина тут нельзя было даже начинать думать.

— Далее. Был глухой слух: Бунин будто бы заходил в советское посольство, где его «обрабатывали», то есть склоняли к возвращению из эмиграции. Но Бунин — упрямый старик, сильно злой на большевиков — вряд ли там бывал вообще. А если и бывал, то разве что только для переговоров по поводу издания в СССР его собрания сочинений — такая советская инициатива уже была тогда озвучена в прессе. Можно сказать, миссия посла Богомолова не имела успеха.

— А миссия вашего троюродного брата — что вам известно о ней?

— Как я уже говорил, с Кириллом, или, по-вашему, Константином Симоновым, мы никогда не общались. О его контактах с Буниным опятъ-таки могу судить по французской периодике и русскоязычной эмигрантской прессе. Сам Кирилл в мемуарах написал, что первая их встреча была случайной, в каком-то многолюдном парижском зале, где советский поэт читал свои стихи. Было много эмигрантов, в том числе Бунин и Тэффи. Иван Алексеевич, в отличие от Надежды Александровны, был строг и неприступен. Диалога тогда не получилось. В следующий раз Бунин согласился отобедать с Симоновым в приличном ресторане «Лаперуз» на берегу Сены. Потом Кирилл попросил летчиков «Аэрофлота» срочно закупить и доставить из московского Елисеевского магазина в Париж икру, колбасу, селедку, черного хлеба и, конечно, водку лучших сортов. Деньги на все это, надо полагать, мой брат имел казенные. Со всей снудью он и явился на бунинскую квартиру. Запах русского хлеба изумил Ивана Алексеевича, может, даже вышиб слезу, но к возвращению из эмиграции не склонил. Нобелевский лауреат хвалил советскую колбаску, смаковал глоточками «Столичную», но продолжал обзывать большевиков «большевианами». Ничего не вышло с Буниным у Кирилла-Константина...

— Как вы сами думаете — почему?

— Бунин до конца дней своих был оппонентом советской власти. Он не принимал ее. Даже ненавидел. В «Окаянных днях» или в дневниках — сейчас уже запомню где — есть у него такие слова о съезде Советов: «Речь Ленина. О! Какое это животное...» И еще у него крик души, даже не крик, а скорее, вопль: «Азия, Азия! И какие все мерзкие даже и по цвету лица у солдат и рабочих. Морды торжествующие». До самой смерти бунинское сердце терзали вести из России о массовых репрессиях, о разгуле безбожников и так далее. Предполагаю, что собственноручно политика его мало интересовала. Он как писатель никогда не был занят теми «проклятыми вопросами», которые волновали русскую интеллигенцию. А вот рушили на родине храмы — он страдал. Ладно там, отобрали большевики у кого-то имущество, дом спалили или разволокли по кирпичику, посчитав несправедливо нажитым. Но при чем тут церковь, при чем тут православная наша вера?

— Но нельзя не согласиться с тем, что при всем этом Бунин продолжал оставаться патриотом покинутой Родины.

— Бунин — настоящий русский патриот. Все годы своей вынужденной эмиграции, до кончины 8 ноября 1953 года, он, несмотря на неприятие большевизма, преданно любил Россию, беззаветно любил. Однажды его спросили: «Может ли русский писатель жить и писать вне России?» Бунин ответил так: «Да, иные не могут, если нет глубочайшей и ничем не рушимой связи с прошлым, кровной связи с Русью...» Он, Бунин, мог. Потому что, позволю себе еще одну цитату, пояснял: «Все корни мои, ушедшие в русскую почву, до малейшего корешка чувствую... Да, чувствую в себе всех предков своих...» Хочу особо подчеркнуть: Иван Алексеевич в годы немецкой оккупации Франции вел себя абсолютно безукоризненно. Он не пошел ни на какие контакты с немцами, занял достойную патриотическую позицию.

— *Что знают здесь, во Франции, об этой его позиции?*

— А то, что немцы не раз и не два забрасывали удочку, пытались сманить. Бунин наотрез отказался сотрудничать в их изданиях. К тому времени денег у него от премии уже не было. Жилось крайне бедно. Сухарь — и то не каждый день. «Пещерный сплошной голод», — его слова. Но от подачек немецких отказался категорически, не в пример Мережковскому и Гишпиус. Та еще семейка была! Мережковский в начале войны выступил по берлинскому радио с призывом к русским бороться с большевиками. Русская эмиграция тотчас заклеила его за гермаофильство, они с Зинаидой оказались в общественной изоляции. Мережковскому повезло, что он умер в конце сорок первого. Иначе бы...

Интересные цифры и факты привел Симонов в беседе. У нас многие считают, что после Победы в Великой Отечественной в СССР слишком сурово наказали бывших власовцев, дезертиров, перебежчиков, полицаев и прочих пособников оккупантов. А вы думаете, таковым во Франции пряники раздавали? Отнюдь! Примерно 150 тысяч коллабо-

Мемориальная доска на доме в Париже, где жил И.А. Бунин

Памятник И.А. Бунину в Грассе (Франция)

рационалистов посадили в тюрьмы, несколько тысяч было расстреляно. У промышленников, с энтузиазмом работавших на оккупантов, национализировали заводы и фабрики. Особо лютовали партизаны — они без суда и следствия тысячами убивали полицейских, осведомителей. Прошла кадровая чистка во всех гражданских и военных инстанциях. Женщин за «горизонтальный» коллаборационизм брили наголо, избивали, мазали дерьмом и раздетыми водили по улицам...

— *А Бунин?*

— Бунин в освобожденном Париже увидел на улице Гиппиус. Не желая встречаться с ней, перешел на другую сторону улицы. Гиппиус уловила этот маневр и тоже перешла улицу. Встретившись носом к носу, Зинаида заметила Бунину, мол, все от нее шарахаются, «и даже вы, Иван Алексеевич, не желаете здороваться». На что Бунин ответил примерно так: вы, сударыня, пожинаете плоды собственной деятельности. Вам с Дмитрием Сергеевичем было хорошо при немцах, теперь — плохо. А мне было плохо, а теперь хорошо. Его презрение к Мережковским было именно тем чувством, которое они вполне заслужили. И он не считал нужным это скрывать. В мемуарах мой кузен поэт Симонов, «приглашавший» Бунина домой, в Россию, записал такие его слова: «Вы должны знать, что двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года я, написавший все, что я написал до этого, в том числе «Окаянные дни», я по отношению к России и к тем, кто ею ныне правит, навсегда вложил шпагу в ножны, независимо от того, как я поступлю сейчас, здесь ли я остаюсь или уеду».

Напоследок я спросил Гавриила Николаевича, что бы он хотел пожелать землякам великого писателя. Вот его ответ:

— Читайте, дорогие русские люди, Бунина. Любите его и гордитесь им. Он не эмигрант. Он покидал Россию не как эмигрант, а как беженец. Бунин уносил Россию с собой.

* * *

Вернувшись из Парижа домой, я подготовил небольшое, на четверть полосы, интервью с Гавриилом Николаевичем Симоновым для газеты «Коммуна». Оно было опубликовано в номере от 11 марта 2000 года. Мы не договаривались с ним поддерживать связь, но до чего же полезная штука этот интернет! — профессор прочитал на коммуновском сайте материал с фотографией о себе и счел уместным прислать по электронной почте коротенькое письмецо со словами благодарности. Правда, при этом деликатно обратил внимание «монсеньора» редактора на неточность: год первой поездки Симонова в Грасс по бунинским делам был мною указан 1973-й, а на самом деле это произошло в 1993-м.

А в том же двухтысячном выпала мне счастливая возможность еще раз встретиться с Гавриилом Николаевичем. И произошло это в Воронеже — Симонов приехал на научную конференцию, посвященную 130-летию со дня рождения Бунина. В редакцию он заглянул в сопровождении все того же Евгения Бердникова. С порога начал делиться впечатлениями:

— Только что посетил домик, где родился Иван Алексеевич. Снова испытал особое волнение. Без этого разве проникнешь в суть его творчества! По садику походил, там зреют яблоки. Есть старые по возрасту деревья, наверное, ровесники писателя, может, даже помнят своей фруктовой памятью его первые шаги... Поинтересовался, росли ли тут антоновские яблоки. Сказали, что росли.

— *Общественность ставит вопрос о передаче домика под музей,* — заметил я гостю.

— Дай-то бог! Давно пора. Это нужно сделать во чтобы то ни стало. Ведь не кто-

нибудь, а ваш земляк — лауреат Нобелевской премии в области литературы. Да, чуть не забыл. Буквально перед самым моим отъездом в Россию, в Грассе, в маленьком парке рядом с Бельведером, что носит имя принцессы Полин, сестры Наполеона, установили бюст Бунина. Очень теплую речь произнес нынешний мэ́р Грасса монсеньор Жан-Пьер Леле.

— *Что вы, уважаемый профессор, ждете от бунинской конференции в Воронеже?*

— Жду нового — новых докладов литературоведов, историков, биографов о жизни и творчестве Ивана Алексеевича. У вас в Воронеже, с особым удовольствием это подчеркиваю, сильные специалисты по Бунину — Бердникова, Антюхин, Муценко, Никонова, другие ученые. Конференция проходит в двух городах, еще в Ельце. Там, в местном университете, тоже есть спецы по Бунину.

В дальнейшем разговоре профессор признался, что он любит читать также Достоевского, а из авторов советского времени ему очень импонирует Платонов. Как раз в этот момент у меня на столе лежало несколько экземпляров только что отпечатанной в коммуновской типографии книги «Время действия — наше время», это был сборник произведений журналистов нашей газеты. Я написал на титульном листе инскрипт и вручил гостю на память о встрече.

Гавриил Николаевич раскрыл книгу на предисловии, начал читать и вдруг воскликнул:

— И Платонов — ваш?! Ну что за город: куда ни ступи, везде классики. Честное слово, не знал, что Платонов работал в «Коммуне». Знал только, что он воронежанин. Это очень интересно. Думаю, что вы можете гордиться тем, что в стенах вашей редакции зрел талант классика двадцатого века...

* * *

На протяжении последующих лет я регулярно запрашивал в поисковой строке гугла фамилию Симонова кириллицей и латиницей и почти всякий раз находил во «всемирной паутине» сведения о добрых делах Гавриила Николаевича на бунинской стезе.

Так, узнал, что со временем президент «Общества друзей Ивана Бунина» во Франции все-таки сумел выкупить виллу Бельведер. Понятно, что строение принадлежало частнику. За долгие годы сменилось несколько владельцев. Последней оказалась старушка, которая тоже сдавала виллу квартирантам. Гавриил Николаевич много раз встречался с ней на предмет покупки, она не возражала, но просила не торопить события, чтобы не нарушать договор с квартиросъемщиками.

И вот, наконец, квартиранты съехали. Получив соответствующие заверения мадам Бирну, профессор продал свой небольшой дом в парижском пригороде Клармар, который достался ему от родителей, добавил еще приличные деньги и получил-таки купчую крепость на Бельведер. Цена сделки — 300 тысяч евро.

«Вилла оказалась абсолютно пустой, — рассказал Гавриил Николаевич корреспонденту газеты “Московский комсомолец”. — Только стены, пол и потолок. А теперь она уже с кое-какой мебелью, можно жить. Я хочу, чтобы Бельведер был не просто домом-музеем, а домом-памятником. Почему памятник? Потому что тут чувствуется присутствие Бунина. Когда в его комнате сажусь на диван, то представляю: вот откроется дверь, войдет Иван Алексеевич и скажет: “Слушайте, что вы тут делаете?” Серьезно, это такое абсолютное впечатление. Тем паче, что я уже заказал бюст. Портрет Бунина, который написал мне знакомый русский художник, висит уже там. И действительно, кажется, что Бунин там еще живет. И это производит на людей, на моих близких впечатление изумительное. Музей можно, так сказать, соорудить где угодно, а вот памятник...»

В последующие годы Симонов продолжал организовывать в Париже и Грассе бунинские коллоквиумы, конференции, чтения, не раз приезжал на подобные мероприятия в Россию — у него открытая виза. В частности, его как самого почетного гостя принимали на проходившей в Белгороде международной конференции «Творчество Бунина и русская литература XIX–XX веков».

Но главным его делом на склоне лет стала литературная деятельность. Он является автором книг на французском языке: «La Nouvelle Eternité. Bien vivre 120 ans» («Как дожить до 120 лет»), «Le Sélénium et la vie» («Селен и жизнь»), сборника стихов «Couleurs de vie» («Цвета жизни»). А на русском языке у него вышли: «В XX веке: 21 рассказ русского француза», «Бунин и Рахманинов» (в соавторстве с Л.Л. Ковалевской-Огородновой), мемуары «Лабиринт изгнания».

* * *

Весть о смерти Гавриила Симонова разнес все тот же вездесущий интернет. Сайты нескольких парижских газет разместили следующий некролог:

*«Моник Симонофф, его супруга,
Александра и Эрик Арпельс, его дочь и зять,
Николай Симонов, его сын, и его жена Жослин, Томас и Ян, их дети,
родственники и друзья
с глубоким прискорбием сообщают, что 24 января 2016 года
на 86 году жизни скончался
Гавриил Николаевич Симонов —
профессор ряда университетов,
бывший Президент отделения CNRS
(Национального научно-исследовательского центра),
Кавалер ордена Почетного Легиона,
Кавалер Национального Ордена «За заслуги».*

* * *

По сообщениям прессы, отпевали усопшего в парижском православном Свято-Александро-Невском кафедральном соборе.

«Упокой, Боже, раба Твоего Гавриила и введи его в рай, где праведные сияют, как звезды», — звучало под пятью куполами величественного храма к Всевышнему обращенное русское Слово.

В этом же храме в 1953 году отпевали Ивана Бунина...

Вскоре после похорон вдова разослала всем друзьям в России письмо такого содержания:

«Дорогие русские друзья Габриэля Николаевича!

Позвольте от всего сердца поблагодарить Вас за Ваши теплые, наполненные добротой и симпатией письма, которые подарили столько успокоения в этот трудный период испытаний для меня и нашей семьи.

Наша дочь Александра и ее супруг присоединяются к моим словам признательности, чтобы сообщить Вам о том, насколько мы тронуты Вашими знаками почтения в адрес личности Габриэля Николаевича.

Вы все знаете, сколько Россия значила для него. Выходец из семьи военных офицеров при Царском дворе, кузен Константина Симонова, Габриэль Николаевич провел детство со своими родителями эмигрантами в маленьком городке Кламар под Парижем, всю жизнь «на чемоданах», в постоянном ожидании возвращения домой на Родину, как только ситуация «наладится».

В возрасте 5 лет, когда пришла пора идти в школу, Габриэль не знал ни слова во-французски. Он построил образ вечной России — страны, которая так была дорога его сердцу, через рассказы родителей, а также благодаря русской общине Парижа, православным литургиям на старославянском языке, величественным песнопениям хора собора Святого Александра Невского.

Его первый приезд на Родину состоялся в 1991 и 1992 годах в качестве ученого, приглашенного рассказать об исследованиях радиационных эффектов. Для Габриэля Николаевича эта поездка стала периодом удивительных открытий. Но самым главным результатом явилось воплощение в жизнь мечты всей его жизни — увидеть Родину. До этого он несколько раз ездил в Финляндию, Новый Валаам, чтобы как можно ближе прикоснуться к любимой России.

Затем состоялись его путешествия совместно с «Обществом друзей Ивана Бунина» в города Елец, Орел, Воронеж, Тула (земля его предков). Вы все знаете, с какой силой и убежденностью он защищал творчество Бунина, так малоизвестное в те времена во Франции.

Начиная с 1998 года, тесное сотрудничество между нашей лабораторией во Франции и лабораториями по исследованиям в области химии, радиохимии и микробиологии в Москве и Санкт-Петербурге позволило состояться новым обменам между учеными.

На пенсии Габриэль Николаевич смог посвятить себя делу, которое было наиболее дорого его сердцу, — популяризации творчества Ивана Бунина во Франции (памятная доска в Париже, вилла Бельведер, бюст писателя в городе Грасс). Постоянная виза давала ему полную свободу возвращаться в Россию.

Последние месяцы Габриэля Николаевича прошли в усадьбе Перигор. В нескольких километрах от нашего семейного владения стоит маленькая православная церковь, относящаяся к Московской Патриархии. Отец Иннокентий, близкий друг семьи на протяжении более 20 лет, был рядом с Габриэлем на всех последних этапах его жизни.

Теперь тело Габриэля Николаевича покоится на кладбище города Клармар рядом с могилой его родителей.

Мне бы хотелось выразить благодарность и признательность каждому из Вас лично за Ваши знаки симпатии, которые нас очень трогают. Но, не имея возможности обратиться к Вам на русском языке, я попросила нашу подругу сделать этот перевод.

Знайτε, что Вы всегда будете очень дороги моему сердцу.

Моник Симонов».

* * *

В последние годы жизни Гавриил Николаевич Симонов хлопотал о памятнике Бунину в полный рост. Такой памятник в Грассе появился в 2017 году в саду городской библиотеки.

Продолжает действовать Ассоциация друзей Бунина во Франции. Обязанности ее президента взяла на себя наша соотечественница Елена Королева. Она в настоящее время является советником мэра Грасса по культурным вопросам. Госпожа Королева в сентябре 2020 года была в Воронеже, участвовала как представитель зарубежья в открытии бунинского Дома-музея. В интервью телеканалу «Культура» она заявила, что дело, начатое Гавриилом Симоновым, будет продолжено. Что касается Бельведера. Здание находится в аварийном состоянии. Мэрия Грасса обратилась к вдове Симонова Моник и его дочери Александре, как наследницам, с предложением выкупить виллу. Согласие их получено, решаются процедурные вопросы. После перехода Бельведера в муниципальную собственность здание будет капитально отремонтировано и отдано под музей Ивана Алексеевича Бунина. Дай-то Бог...